

УДК 929:94(470)''18''(045)

*Е.Е. Глазунова***НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН КАК ПОМЕЩИК:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РЕАЛИЗМ**

Личность Н. М. Карамзина была исключительно многогранна. Создатель наряду с А. С. Пушкиным русского литературного языка и великий историограф, он был одновременно и писателем-сентименталистом, стремившимся выразить чувства людей, в том числе в образе крестьянской девушки «Бедной Лизы». Как социальный мыслитель, он отстаивал крепостное право. Вместе с тем эта выдающаяся личность в отечественной культуре не может быть понята в полной мере вне учета отношений его со своими крепостными крестьянами, выраженных в письме от 28 апреля 1826 г., в котором он как помещик жестко требовал от крестьян своевременной уплаты денежного оброка и угрожал им за несвоевременную его плату.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, сентиментализм, «Бедная Лиза», крепостное право, денежный оброк.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-197-202

Роль Н. М. Карамзина в формировании русской культуры нового времени невозможно переоценить. С ним связано становление таких ее основ, как русский литературный язык и отечественная историческая мысль, для развития которой его «История государства Российского» дала сильнейший толчок, и звание историографа он получил не случайно, как автор, которым, как «казалось, была найдена» «Древняя Россия» «как Америка – Колумбом». «История» Н. М. Карамзина, по оценке А. С. Пушкина – «есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» [9, с. 239].

Между тем, роль Н. М. Карамзина в отечественной историографии и культуре оставляла на втором плане другую относящуюся к историографу тему, которая касалась его отношения к крестьянству и к крепостному праву. Обращалось внимание на то, что Н. М. Карамзин выступал против отмены крепостного права. Так, Н. Я. Эйдельман указывал, что Н. М. Карамзин призывал царя в своей «Записке о древней и новой России» не торопиться с отменой крепостного права [13, с. 68]. А. В. Борисова указывала, что Н. М. Карамзин «рассматривал возможное решение крестьянской проблемы с точки зрения государственной пользы», что не позволяло освободить крестьян без земли, но забрать ее у помещиков «было недопустимо» [1, с. 39]. А. А. Шириянц и Д. В. Ермашов правомерно подчеркивали противоречия в рассуждениях Н. М. Карамзина, когда он «считал крестьян "братьями по человечеству и христианству"», но при этом считал, что «безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу» [11, с. 44]. К. Д. Бугров в своем анализе карамзинского «Письма сельского жителя» отмечал карамзинскую мысль о том, что «воля» «обратилась для них [крестьян. – Е. Г.] в величайшее зло; то есть вволю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства» [2, с. 13].

В историографии, таким образом, раскрывается подход Н. М. Карамзина к вопросу о крепостном праве с теоретической точки зрения. Но, между тем, в этом вопросе он был не только теоретиком, но и практиком, поскольку был помещиком и имел крепостных. Эту сторону его биографии отметил еще В. И. Семевский, по словам которого «Карамзин был... самым заурядным душевладельцем, который также мало возвышался над средним уровнем дворянства на практике, как относительно крестьянского вопроса в теории» [10, с. 357]. Это совершенно справедливо. Однако данное положение В. И. Семевского нуждается в документальном подтверждении. Такое подтверждение дает малоизвестное письмо Н. М. Карамзина своим крестьянам, написанное им из Санкт-Петербурга, за месяц до его кончины. Оно было опубликовано М. П. Погодиным во второй части его труда о Н. М. Карамзине. С характеристикой этого письма, на которое историки не обращали того внимания, которого оно заслуживает, связана цель статьи, в которой рассматривается вопрос о соотношении между отношением выдающегося историографа к крестьянам в литературе и в его помещичьей практике. Такое сравнение позволяет более полно уяснить степень глубины противоречий в воззрениях этой столь значимой в отечественной культуре личности.

В русской общественной мысли и культуре, между тем, со времени манифеста Петра III о вольности дворянства вопрос об отношениях между помещиками и крестьянами и об отношении к крепостному праву постепенно выходил на первый план внутренней жизни государства и общества. По-

ниманием очевидной ненормальности существовавшего положения было предопределено особое внимание к этим вопросам на рубеже XVIII и XIX вв., когда издавались указы о трехдневной барщине и о вольных хлебопашцах, призванные хотя бы в малой степени урегулировать отношения между помещиками и крестьянами. Наряду с социальной стороной внимания к крестьянскому вопросу имела место культурная сторона, связанная с осознанием общественно-исторической роли крестьянства, которая в несколько более позднее время выразится в форме своеобразного культа народа в сознании формировавшейся дворянской и разночинной интеллигенции. Такая тенденция нашла свое проявление и в сознании Н. М. Карамзина, отмечавшего в своем «Письме сельского жителя», впервые изданном в 1803 г. под псевдонимом «Лука Еремеев», что «добрый земледелец есть первый благодетель рода человеческого» [6, с. 267]. В заключении этого письма он по-своему формулировал идею дворянского долга, вытекавшую из их права, предоставленного государством. «Главное право русского дворянина – быть помещиком, главная должность его – быть добрым помещиком». И добавлял к этому: «кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный» [6, с. 274], и связывал традиционную для дворянского сознания идею верности престолу с отношением к своим крестьянам.

Такое направление в мышлении Н. М. Карамзина соответствовало важнейшим тенденциям в культуре того времени. Культура Просвещения с характерным для нее литературным классицизмом, в котором центральное место занимала идея долга гражданина перед государством и обществом, сменялась культурой романтизма, в рамках которой внимание к отдельному человеку и его чувствам выходило на первый план авторского и читательского внимания. Литературный классицизм поэтому уходил в прошлое, на место его становился сентиментализм. Н. М. Карамзин соединял свое воззрение на долг дворянина как доброго помещика с вниманием к выражению чувств крестьянина, по существу к тому, как дворяне и крестьяне могли понять друг друга. Такое соединение нашло свое выражение в «Бедной Лизе», классическом произведении русского сентиментализма.

Произведение, рассчитанное на просвещенную дворянскую среду, было направлено на переключение внимания этого общества от вопросов политического устройства, интерес к которому вызывался недавними революционными событиями во Франции, непосредственно к людям, которыми являлись помещичьи крестьяне, к конкретному человеку из крестьянской среды. Автор стремился затронуть эмоциональную сторону личности читателя, на это был рассчитан язык произведения. Языковые средства, использованные Н. М. Карамзиным, позволяли создать запоминающиеся образы, вызывавшие симпатию читателя. Таким был отец главной героини, Лизы, «зажиточный поселянин», который «любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь» [4, с. 507], но рано умер. «Чувствительная добрая старушка» мать Лизы, и, конечно, сама главная героиня, которая «не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь», заботилась о матери, которая, в свою очередь, желала, чтобы нашелся «добрый человек», за которого она могла бы отдать замуж Лизу [4, с. 508], также относились к подобным образам.

Образ же такого человека, как казалось Лизе, Н. М. Карамзин вывел в лице молодого дворянина Эраста, с которым у нее возникли самые близкие и нежные отношения. Но, независимо от замысла автора, реальная жизнь вторгалась в сентиментальное повествование. Мать Лизы хотела видеть ее замужем за сыном богатого крестьянина из соседней деревни [4, с. 514]. Эраст же заявил, что уходит в армию на войну, но на войну он не попал, однако в армии играл в карты и наделал много долгов. Выход у него, как писал Н. М. Карамзин, был только в женитьбе на старой, но богатой вдове. Такие детали вполне соответствовали реалиям крестьянской и дворянской жизни. Но и они не прерывали сентиментального повествования с трагическим исходом, в результате которого «Бедная Лиза» утопилась в пруду [4, с. 519]. Произведение сентиментальное, и в целом, за исключением отдельных деталей, мало соответствовавшее реальности в отношениях между молодыми дворянами и крестьянскими девушками. Тем не менее, в произведении Н. М. Карамзин попытался вызвать в дворянской среде сочувствие к крестьянам, по-своему выразить их человеческую природу.

Сочувствие Н. М. Карамзина как писателя-сентименталиста не исключало его стремления к сохранению крепостного права как дворянского социального мыслителя. При этом он в своем «Письме сельского жителя» ведет полемику с критиками крепостного права, подчеркивая, что такая критика исходит от людей, незнакомых с сельской жизнью, и, причем, от иностранцев. Аргументация Н. М. Карамзина опирается на популярное в дворянской среде положение о крестьянской лени. Он опровергает объяснение такой лени крестьян критиками крепостной системы, утверждавшими,

что крестьянин знает, будто «помещик может всегда отнять у него имущество». По утверждению Н. М. Карамзина, «такая философия» «никогда не входила в головы нашим земледельцам», и «они ленивы от природы, от навыка, от незнания выгод трудолюбия». Более того, указывал он, вольные крестьяне «обрабатывают землю» хуже «господских». И вообще, «хлебопашество» «приходит в лучшее состояние» благодаря помещикам [6, с. 270].

Как глубокий знаток истории, Н. М. Карамзин не мог не привести исторических аргументов в пользу сохранения крепостного права. В своей «Записке о древней и новой России» он выражал беспокойство известием о намерении правительства «дать господским людям свободу». Он отмечал, что до утверждения крепостного права «свободные переходы [крестьян. – Е. Г.] имели свое неудобство», поскольку «вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных», и те «оставались с пустою землею» и «лишались способа платить Государственные повинности». Прикрепление крестьян, считал он, устранило это «неудобство». Но, как писал Н. М. Карамзин, история оставила такое наследство, которое порождало самые серьезные проблемы при освобождении крестьян. К ним Н. М. Карамзин отнес то, что крестьяне не имели земли, которая есть «законная, неотъемлемая собственность Дворян». Крестьяне «холопского происхождения» – это «также законная собственность Дворянская» и не могут освобождаться без «некоторого удовлетворения помещикам». Поэтому только «одни вольные, Годуновым укрепленные за господами земледельцы могут по справедливости требовать свободы» [5, с. 320]. Но выяснить происхождение крестьян очень трудно, и законодателю «предстоит немалая трудность в распутывании сего узла Гордиева» [5, с. 321]. Н. М. Карамзин указывал и на возможность других нежелательных последствий крестьянского освобождения. После получения вольности «буде крестьянин ныне здесь, а завтра там», и в этой связи Н. М. Карамзин выдвигал самый существенный для властей довод: государство «не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей». Что такой довод будет действенным, автор «Записки» был уверен. Но, кроме того, Н. М. Карамзин указывал и на возможные убытки для земледелия, что затронет интересы государства, поскольку, по его словам, «Дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом». Тяжелые последствия отмены крепостного права Н. М. Карамзин усматривал и для самих крестьян, но, напротив, видел в этой мере благоприятные условия для всяких злоупотреблений. Так, если крестьяне освобождаются от «надзора господ», имеющих «земскую исправу, или Полицию, гораздо деятельнейшую всех Земских Судов», то, в соответствии с дворянским традиционным представлением, они «станут пьянствовать, злодействовать». Тем самым, указывал он, будет «богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников». А отсюда, в качестве прямого следствия, будет с неизбежностью «худо для нравов и Государственной безопасности!» [5, с. 321]. Указанием своим на крестьянское пьянство и на угрозу для нравов общества Н. М. Карамзин воспроизводил аргументацию дворянской культуры недавнего прошлого, когда темы лености и пьянства крестьян, а также наличия среди крестьян «нравственных пороков» поднимались другим историком, историографом и богатым вотчинником, князем М. М. Щербатовым [12, с. 149]. Имела место, таким образом, своеобразная переключка двух мыслителей и идеологов дворянства от времени Екатерины II ко времени Александра I, различие между которыми заметно разве что на уровне вербального выражения общих идей, поскольку язык Н. М. Карамзина был лишен резкостей, присущих тексту князя М. М. Щербатова.

Обоснование на уровне социально-политической идеи, выражавшееся Н. М. Карамзиным, находило свое воплощение в признававшихся им практиках отношений в качестве помещика со своими крестьянами. Такие практики были зафиксированы Н. М. Карамзиным как помещиком в упомянутом письме, написанном им в Санкт-Петербурге 28 апреля 1826 г. В письме содержался прямой «приказ», и тем самым оно представляло собой документ нормативного содержания, направлявшегося от помещика или вотчинника бурмистру или управляющему имением. По сравнению с традиционными документами второй половины XVIII в., такими, как помещичьи инструкции управляющим имениями, заметно стремление Н. М. Карамзина не использовать ни малейшей грубости по отношению к своим людям. Но, тем не менее, это не исключало применение в языке письма повелительного наклонения, соответствовавшего понятию о приказе как о распорядительном документе. Текст карамзинского письма – «приказа» был при этом написан по существу в столь же жестких выражениях, как и в инструкциях князя М. М. Щербатова. Так, в инструкции князя от 5 ноября 1758 г. по сбору оброка в деревне Павлово Галицкого уезда содержались прямые угрозы старосте «за неисполнение», с требованием за это его «по моим письмам жестоко наказать» [3, с. 168]. В письме М. М. Щербатова своему при-

казчику Осипу Звереву от 1 августа 1761 г. также содержится угроза «строжайшего наказания» по поводу «умерших трех овцах и одномъ баране аглинских», если будет выяснено, что «онь от нерадетельскаго хождения померли», причем такому наказанию будут подвергнуты «как ты, так и хожатья» [3, с. 173]. Как знающий и рачительный владелец своих вотчин, князь М. М. Щербатов выявил недоплату шерсти «съ агленских овецъ». Это, писал князь приказчику, «изобличает тебя и в протчих твоих плутовствах, в которых ты много примечен», и «такие твои обманства принуждают меня все мои поверенности к тебе оставить, и только употребить с тобою крайнюю строгость» [3, с. 175].

Несколько иной стиль документальной прозы использовал в своем письме от 28 апреля 1826 г. Н. М. Карамзин. В адрес своим людям, к которым он предъявлял жесткие требования по своевременной уплате оброка, Н. М. Карамзин использовал в качестве обращения слова «добрые крестьяне». «Все будет хорошо», – обещал он крестьянам, – но только «если вы будете хороши», и призывал крестьян: «живите смиренно, слушайтесь бурмистра и старшин», и, главное, «платите оброк исправно». Но в случае «неплатежа зломысленнаго» Н. М. Карамзин грозил крестьянам принятием против них весьма жестких мер. К ним относилась присылка «на ваш кошт из Москвы людей надежных, с тем, чтобы они не выезжали..., не собрав при себе оброка». На случай, если крестьяне станут «буянствовать», Н. М. Карамзин предупреждал, что «просит содействия военного Генерал-Губернатора», своего «благоприятеля», «для вашего усмирения», чтобы «строгими мерами принудить вас к исправному платежу оброка». В случае, «если недоимки будут умножаться», Н. М. Карамзин заявлял о найме «прикащика с жалованием до двух тысяч рублей», причем половину этой суммы должны будут платить крестьяне. Ему будет поручено в этом случае «завести господскую пашню, и посадить на нее всех неплательщиков» [8, с. 484–486]. Таким образом, для обеспечения уплаты оброка Н. М. Карамзин был вполне готов к тому, чтобы его «добрые крестьяне» в случае недоимок и выражения недовольства чувствовали жесткое право помещика и претерпевали от него наказание в виде мер финансового, административного и даже репрессивного характера. Меры, о которых предупреждал крестьян Н. М. Карамзин, были не менее жесткие, чем те, которые считал необходимым применять князь М. М. Щербатов. Но, в отличие от князя, Н. М. Карамзин подавал их в ином вербальном контексте, в сочетании с выражением лояльного отношения. Тем самым он жестко отстаивал свой владельческий интерес, не допуская в этом ни малейшей сентиментальности. Интерес Н. М. Карамзина как помещика, как справедливо заметила Е. С. Корчмина, определяла, как и у всех помещиков того времени, «именно потребность в деньгах в целом» [7, с. 340]. Для Н. М. Карамзина, отъезжавшего на лечение за границу, такая потребность была очевидной.

Письмо крестьянам от 28 апреля 1826 г. наглядно свидетельствует, насколько сложной и многогранной была личность Н. М. Карамзина как выдающегося представителя отечественной культуры своего времени. Создатель русского литературного языка и великий историограф, писатель сентименталистского направления русской литературы, социальный мыслитель, отстаивавший крепостное право и дворянские права на личность крестьянина, представлял собой одновременно типичного русского помещика своего времени, жестко стоявшего на страже своих денежных интересов, которые обеспечивали, в том числе, и крестьяне, платившие оброк. Вне учета отношения его со своими крестьянами, выраженного в данном письме, личность Н. М. Карамзина не может считаться полностью понятой и раскрытой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисова А.В.* Отражение крестьянского вопроса в русской литературе и публицистике первой половины XIX в. // Гротовские чтения – 2022: материалы Всерос. науч. конф. Самара: СОУНБ, 2023. С. 39–42.
2. *Бугров К.Д.* «Экономия» и добродетель: этический регулятор помещичьего хозяйства в российской общественно-политической мысли XVIII – начала XIX в. // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 7–18.
3. *Гриценко К.А.* Князь М. М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. 182 с.
4. *Карамзин Н.М.* Бедная Лиза // Сочинения в 2-х т. Т. 1. Л.: Худож. лит-ра, 1984. С. 506–519.
5. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279–348.
6. *Карамзин Н.М.* Письмо сельского жителя // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 267–274.
7. *Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX в.* – Т. 2. *Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX в.* – Москва: РОССПЭН, 2020. – 549 с.

8. *Погодин Н. М.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. В 2-х ч. Москва: [б. и.], 1886. Ч. 2. 505; II; 22 с.
9. *Пушкин А. С.* Карамзин // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М. Худож. лит-ра, 1976. Т. 7. С. 238–240.
10. *Семевский, В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: [б. и.], 1888. – 518 с.
11. *Ширяню А. А., Ермашов Д. В.* Николай Михайлович Карамзин // Карамзин Н. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–46.
12. *Щербатов М. М.* Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 145–178.
13. *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.

Поступила в редакцию 16.11.2023

Глазунова Елизавета Евгеньевна,
ассистент кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
E-mail: elv@sfedu.ru

E. E. Glazunova

N. M. KARAMZIN AS A LANDOWNER: LITERARY SENTIMENTALISM AND ECONOMIC REALISM

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-197-202

The personality of N. M. Karamzin was extremely multifaceted. The creator, along with A. S. Pushkin, of the Russian literary language and the great historiographer, he was also a sentimentalist writer who sought to express the feelings of people, including in the image of the peasant girl “Poor Lisa”. As a social thinker, he championed serfdom. At the same time, this outstanding personality in Russian culture cannot be fully understood without talking into account his relations with his serfs, expressed in a letter of April 28, 1826, in which, as a landowner, he harshly demanded from the peasants the timely payment of money and threatened them for late payment.

Keywords: N. M. Karamzin, sentimentalism, “Poor Lisa”, serfdom, money tax.

REFERENCES

1. *Borisova A. V.* Otrazheniye krest'yanskogo voprosa v russkoy literature i publitsistike pervoy poloviny XIX v. [Reflection of the peasant question in Russian literature and journalism of the first half of the 19th century]. Grotovskiye chteniya – 2022: materialy Vseros. nauch. konf. [Grotov Readings – 2022: materials of the All-Russian Scientific Conference]. Samara, “SOUNB” Publ., 2023, p. 39–42. (In Russian).
2. *Bugrov K. D.* «Economia» i dobrodetel: eticheskii regulator pomeshchichiego hoziaistva v rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XVIII – nachala XIX v. [“Economy” and virtue an ethical of the regulator of the landlord economy in Russian socio-political thought of the 18 – early 19 centuries]. Istorica: facty i simvoly [History: facts and symbols], 2019, no. 1 (18), pp. 7–8. (In Russian).
3. *Gritsenko K. A.* Knaz Shcherbatov i konservativnoe napravlenie rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli vtoroi poloviny XVIII v. [Prince M. M. Shcherbatov and the conservative direction of Russian socio-political thought of the second half of the 18 century]. Rostov-on-Don; Taganrog, UFU Press, 2021, 182 p. (In Russian).
4. *Karamzin N. M.* Bednaia Liza [Poor Lisa]. Karamzin N. M. Sochinenia v 2-h t. [Works in 2 volumes]. Leningrad, “Hudozhestvennaia literatura” Publ., 1984, vol. 1, pp. 506–519. (In Russian).
5. *Karamzin N. M.* Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii [Note on ancient and new Russia in its political and civil terms]. Karamzin N. M. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, “ROSSPEN” Publ., 2010, pp. 279–348. (In Russian).
6. *Karamzin N. M.* Pismo selskogo zhitela [Letter from a villager]. Karamzin N. M. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, “ROSSPEN” Publ., 2010, pp. 267–274. (In Russian).
7. *Obshchestvennaia mysl Rossii s drevneishih vremen do serediny XIX v.* Т. 2. Obshchestvennaia mysl Rossii XVIII – pervoi chetverty XIX v. [Public thought of Russia from ancient times to the middle of the 20 century. Vol. 2. Public thought of Russia 18 – first quarter 19 century]. Moscow, “ROSSPEN” Publ., 2020, 549 p. (In Russian).
8. *Pogodin M. P.* Nikolai Mihailovich Karamzin, po sochineniam, pismam i otzyvam sovremennikov. V 2 ch. [Nikolai Mihailovich Karamzin, according to his writings, letters and reviews of contemporaries. In 2 volumes]. Moscow, [n. a.], 1866, vol. 2. 505; II; 22 p. (In Russian).

9. *Pushkin A.S. Karamzin* [Karamzin]. Pushkin A.S. *Sobr. soch. v 10 t.* [Collected works in 10 volumes]. Moscow, "Hudoshestvennaia literatura" Publ., 1976, pp. 238–240. (In Russian).
10. *Semevsky V.I. Krestianskii vopros v Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The peasant question in Russia in the 18 – first half of the 19 century]. Saint Petersburg, [n. a.], 1888, vol. 1, 518 p. (In Russian).
11. *Shiriansc A.A., Ermashov D.V. Nikolai Mihailovich Karamzin* [Nikolay Mikhailovich Karamzin]. Karamzin N.M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, "ROSSPEN" Publ., 2010, pp. 5–46. (In Russian).
12. *Shcherbatov M.M. Razmyshlenia o neudobstvakh v Rossii dat svobodu krestianam i sluzhiteliam, ili sdelat sobstvennost* [Reflections on inconvenience in Russia to give freedom to peasants and ministers, or to make property estates]. Shcherbatov M.M. *Izbrannye trudy* [Selected works], Moscow, "ROSSPEN" Publ., 2010, pp. 145–178. (In Russian).
13. *Eidelman N. Ia. Poslednii letopisec* [The Last Chronicer]. Moscow, "Kniga" Publ., 1983, 176 p. (In Russian).

Received 16.11.2023

Glazunova E. E., Assistant of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times
Southern Federal University
Bolshaya Sadovaya st., 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344006
E-mail: elv@sfnu.ru